15 ДЕК 1970

БАКУ
Вечерний выпуск
г. Баку

Календарь вечернего Баку

ЧЕРЕЗ СТРАДАНИЯ — К РАДОСТИ!

Двести лет прошло со дня рождения Людвига ван Бетховена, одного из величайших гениев человечества, композитора, творчество которого стало важнейшей вехой в истории мирового искусства. Вдохновленная идеями французской буржуазной революции, высокими идеалами Свободы, Равенства и Братства, музыка Бетховена словно подвела итог творческим поискам крупнейших композиторов предшествующих эпох и поколений. В новом качестве и на новом уровне звучат в творчестве Бетховена глубокий драматизм и высочайший гуманизм Баха, ораторская монументальность стиля Генделя, классицистская героика Глюка, демократизм и жанровость сочинений Гайдна, гордое страдание и непосредственная радость жизни, возвышенная скорбь и легкая шутка, органично совмещающиеся в произведениях Моцарта. Пожалуй, не было в истории музыки другого композитора, которому так удивительно соответствовала бы характеристика В. В. Стасова — «Шекспир масс». В самых разнообразных жанрах, формах и образах проходит у Бетховена центральная тема его творчества, тема человека — борца за свободу.

Когда в 1917 году М. Горький обратился к Ромену Роллану с просьбой написать книгу о Бетховене для молодежи, он особенно акцентировал героическую сторону личности гения. «Наша цель — заметил, великий пролетарский писатель, — внушать молодежи любовь и веру в жизнь. Мы хотим научить людей героизму. Нужно, чтобы человек понял, что он творец и господин мира, что на нем лежит ответственность за все несчастья на земле и ему же принадлежит слава за все доброе, что есть в жизни». Бетховен мог служить для молодого поколения высоким образцом героизма. Смелый новатор, беспощадно ломавший устаревшие каноны во имя правды Искусства, художник, исполненный сознания глубочайшей ответственности перед человечеством, великий музыкант, личная жизнь которого была до краев наполнена страданием, борьбой и неукротимым оптимизмом, человек, поставивший своей целью «схватить судьбу за глотку», на смертном одре грозивший кулаком самому Небу, непокорившийся страшному (и во сто крат более страшному для музыканта!) недугу — глухоте, в абсолютной изоляции от всего слышимого в мире создавший шедевр своего творения и венец мирового симфонизма — 9-ю симфонию, — таким предстает перед нами Людвиг ван Бетховен.

Он родился 16 декабря 1770 года в Бонне, в семье придворного музыканта, и жизненные невзгоды рано выпали на его долю: ранняя смерть горячо любимой матери, жестокость пьяницы-отца, эксплуатировавшего талант мальчика в угоду своему тщеславию и корысти и стремившегося сделать из него «вундеркинда» — забаву светских салонов; постоянная нужда... Пошла ли на пользу ребенку издевательская муштра отца или причина тому огромная одаренность и любовь к музыке, но к виртуозному владению клавесином вскоре прибавились орган, скрипка и альт, а к десяти годам Людвиг играл на нескольких инструментах так, как далеко не каждый зрелый музыкант. В ранней же склонности его к импровизации предугадывался дар композитора.

Стремительный взлет обоих талантов Бетховена — исполнительского и творческого — тем более поразителен, что никогда и нигде он не учился систематически. Известны лишь несколько уроков его у Моцарта в 1787 году, позднее — мимолетные встречи с Гайдном, которому Бетховен показывает свои ранние сочинения, уроки у Сальери. Огромнейший музыкальный кругозор композитора — почти целиком заслуга его пытливого ума и неустанной жажды совершенствования своего мастерства. Так же, впрочем, как и солидная по тем временам эрудиция в области литературы и философии, которая отличала этого человека, допускавшего элементарные орфографические ошибки!

Бетховен вошел в историю как крупнейший представитель так называемого венского классицизма. С Веной — в те годы блистательным центром европейского музыкального искусства, куда Бетховен переехал в 1795 году, — связаны вся его жизнь и творчество. Украшение аристократических салонов, утвердившийся в Вене первоначально как виртуоз-импровизатор, Бетховен ошеломлял и тревожил знать демократическим духом своей непривычной музыки, которая, по его же словам, была призвана «высекать огонь из мужественных душ». Тревожил и поражал Бетховен всем своим обликом. Пожалуй, лучший его портрет, так резко контрастирующий с изысканной чопорностью и жеманством «света», дан Роменом Ролланом: «Он был небольшого роста и коренаст, с виду крепкого, атлетического сложения. Широкое лицо кирпичного цвета, лишь к концу жизни получившее оттенок болезненно-желтый, особенно зимой, когда он сидел взаперти, вдали от полей. Могучий выпуклый лоб, необыкновенно черные волосы, чрезвычайно густые, никогда, казалось, не знавшие гребня... Глаза горели с необычайной силой, поражавшей всех, кто его видел... Небольшие, глубоко сидящие, они вдруг расширялись от страсти или гнева и тогда выходили из орбит, с чудесной правдивостью отражая все его мысли. Нос крепкий, четырехугольный, широкий, точно львиный. Рот нежный, с немного выдающейся вперед нижней губой. Мощные челюсти, способные дробить орехи.. Его лицо преображалось под влиянием внезапного вдохновения, захватывающего его неожиданно, даже на улице... или когда его заставали за фортепьяно. Мускулы его лица дрожали, вены вздувались, дикие глаза становились вдвое ужаснее, рот передергивало, у него был вид волшебника, подавленного могуществом духов, им же самим вызванных».

Жизнь великого музыканта дает многочисленные примеры стойкости и гордости его духа, верности своим убеждениям и идеалам. Будучи горячим сторонником Наполеона — первого консула Французской Республики, Бетховен посвящает ему революционную музыкальную эпопею, краеугольный камень своего нового стиля — Третью симфонию. Но Наполеон оказался, «ничто другое, как обыкновенный человек». Император, он будет «тоже попирать ногами все человеческие права в угоду своему честолюбию... и сделается тираном!». И титульный лист симфонии с посвящением порван, а произведение переименовано в «Героическую симфонию, сочиненную для прославления памяти великого человека». Общеизвестен инцидент прогулки с Гете, склонившимся со шляпой в руке при встрече с императорской семьей, тогда как Бетховен подчеркнуто сохранил свое достоинство, ибо известно, что «короли и князья прекрасно могут делать профессоров и тайных советников, осыпать их титулами и орденами, но великих людей они делать не могут, умов, выдающихся над человеческим сбродом». В этих и во многих других событиях жизни Бетховена за резкостью или драматизмом того или иного поступка всегда ощутима боль за достоинство человека, вера в человека, мечта о его светлом будущем. Таков он и в своей музыке — в своих девяти симфониях, тридцати двух сонатах, опере «Фиделио», Торжественной мессе, симфонических увертюрах, струнных квартетах и трио, бесхитростных, полных нежности и юмора песнях.

Бетховен — композитор-мыслитель. Его часто сравнивают с Гегелем, ибо музыкой своей он сумел доказать постоянную, присущую всем жизненным процессам диалектику борьбы и единства противоположностей. Замечательным примером этого могут служить две наиболее известные сонаты для фортепьяно Бетховена — № 23 («Аппассионата») и № 14 («Лунная»). В первой из них, столь любимой В. И. Лениным, кипящая лава страсти заключена в незыблемый гранит логики. Это «изумительная, нечеловеческая музыка», которая, по словам Ильича, вызывает изумление: вот «какие чудеса могут делать люди!». А рядом с ней, в «Лунной» — глубокое погружение в чувство — от печального оцепенения к взрыву...

Необычайная сила воздействия музыки Бетховена объясняется прежде всего тем, что конфликтные образы даются у него в вечном столкновении и развитии. Это — одна из важных черт Бетховена-симфониста. Симфонический же метод мышления, целеустремленно раскрывающий замысел путем движения и внутренней конфликтности образов, пронизывает и фортепьянные, и камерно-инструментальные, и музыкально-театральные сочинения Бетховена.

«Шекспир масс» говорит миллионам и восторженно принят миллионами. Прекрасны симфонии Бетховена — юношески беззаботная Первая, напористая, кипящая жизнью Вторая, мягкая, романтическая Четвертая, «Чудный сон в летнюю ночь» — Шестая, смелая и свободная в своей мощи Седьмая, юмористическая Восьмая — они одни могли бы принести мировую известность своему автору. Но неповторимая «Героическая трилогия» — Третья, Пятая и Девятая симфонии — выделяют создания композитора-трибуна среди всего, когда-либо существовавшего в музыкальном искусстве. Тройное развитие линии неугасимой борьбы ведет от «Траурного марша» герою, «умирающему стоя» (Третья симфония), от неумолимых, настойчивых волевых ритмов «судьбы Человечества» (Пятая симфония) к призыву восславить радость единения с народом (Девятая симфония). Грандиозный замысел Девятой симфонии, встреченной в 1824 году у публики овациями, взлелеян с юношеских лет, представ к концу жизни композитора в гигантской звуковой фреске. Мысль художника движется от трагических катастроф к торжеству светлой мечты всей его жизни. Отметая одну за другой темы трагедий и сомнений, ужаса и беспечности, композитор лепит простую и всеобъемлющую «тему Радости». «Какое завоевание стоит этого, — восклицает Роллан, — какое сражение Бонапарта, какое солнце Аустерлица может равняться славой с этим сверхъестественным усилием, с этой победой, самой блестящей из всех, какие когда-либо одерживал человеческий дух? Несчастный, бедный, больной, одинокий, подавленный горем человек, которому мир отказал в радости, создает Радость сам, чтобы отдать ее миру. Он выковывает ее из своего страдания, как выразил он в гордых словах, которые могут служить итогом его жизни, девизом всякой героической души: «Через страдания — к Радости!».

Алла БРЕТАНИЦКАЯ.